

Люцифер Монтана

A woman with long, flowing red hair and large, glowing orange and yellow wings is depicted against a dark, starry background. She is wearing a light-colored, sleeveless dress and is bound by thick, blue, glowing chains around her wrists and upper arms. Her head is tilted back, and her mouth is open as if shouting or singing. The overall atmosphere is one of intense energy and struggle.

МАНИФЕСТ
ТЕЛЕСНОЙ
СВОБОДЫ

Люцифер Монтана

Манифест телесной свободы

«Автор»

2026

Монтана Л.

Манифест телесной свободы / Л. Монтана — «Автор», 2026

«Люцифер Монтана. Манифест телесной свободы» — это городское фэнтези, в котором переплетаются магия, мистика и метамодерн. Книга рассказывает о новой реальности, где мегаполис становится не просто скоплением зданий и людей, а местом, где магия проявляется как системная ошибка в коде реальности. Главный герой сталкивается с необъяснимыми явлениями в обыденной жизни мегаполиса. Он видит, как реальность даёт трещину, и ощущает, что город больше не принадлежит людям. В этом новом мире, где магия становится экологической катастрофой, герою предстоит выжить и не сойти с ума. Книга погружает читателя в атмосферу мистики и напряжения, где каждый уголок города может таить опасность или откровение. Это история о том, как сохранить себя в мире, который меняется на глазах.

© Монтана Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение: Привкус озона на губах	5
Глава 1: Кофе с осадком инквизиции	7
Глава 2: Геометрия ломанных теней	10
Глава 3: Эфирный кашель	13
Глава 4: Рынок «Нижний мир»	16
Глава 5: Дилер фальшивых чудес	19
Глава 6: Анатомия неоновго демона	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Люцифер Монтана

Манифест телесной свободы

Введение: Привкус озона на губах

Мегаполис никогда не спит, но иногда он замирает в предсмертной судороге, которую мы, его вечные заложники, принимаем за обычный сбой в работе инфраструктуры или сезонное колебание давления. Вы стоите на перроне станции «Комсомольская», зажатые между плечом усталого клерка и пропахшим дешевым табаком пальто случайного прохожего, и в этот момент реальность дает трещину. Это не метафора из учебника по литературе и не симптом прогрессирующей шизофрении. Это физическое ощущение того, как бетон под вашими подошвами перестает быть инертным строительным материалом, превращаясь в нечто живое, пульсирующее и бесконечно голодное. Воздух внезапно тяжелеет, приобретая отчетливый, едкий привкус озона – тот самый запах, который предвещает грозу, способную сжечь электронные платы городов дотла. Но небо над Москвой чисто, а вы находитесь на глубине тридцати метров под землей. Это первый признак того, что эфир, дремавший веками в фундаменте цивилизации, начал свою экспансию, прорастая сквозь поры мегаполиса подобно метастазам неизлечимой, но завораживающей опухоли.

Мы привыкли считать наши города оплотами логики и торжества человеческого разума над хаосом природы. Мы верим в сопромат, в графики движения поездов и в незыблемость законов термодинамики. Однако каждый раз, когда вы чувствуете необъяснимую тревогу, проходя мимо старой сталинской высотки, или когда навигатор начинает «сходить с ума» в пустом переулке, вы сталкиваетесь с архитектурной магией – невидимой инженерией, которая использует геометрию зданий как линзы для фокусировки нечеловеческой воли. Город – это не просто скопление жилых коробок, это сложнейший накопитель маны, где каждый изгиб арматуры и каждый километр оптоволоконка служат проводниками для сил, которые мы по ошибке называем мистическими, хотя они столь же материальны, как электрический ток в ваших розетках.

В ту секунду, когда прибывающий поезд выталкивает из тоннеля поток горячего, застоявшегося воздуха, вы видите это: пространство между вагоном и платформой на долю мгновения становится прозрачным. Сквозь него проглядывает не технический лоток, а бездонная пустота, заполненная шевелящимися тенями и яркими, болезненными вспышками лазурного света. Это «искра» – ваше пробуждение, ваш пропуск в мир, где магия не выглядит как палочка из кинофильма, а проявляется как системная ошибка в коде реальности. Эфир не выбирает достойных, он выбирает уязвимых. Он просачивается туда, где плотность человеческого отчаяния и амбиций достигает критической массы, используя наши эмоции как катализатор для своего проявления. В этом новом мире, который уже здесь, прямо за тонким слоем штукатурки вашей спальни, небоскребы Сити работают как гигантские антенны, сцеживающие коллективную боль миллионов людей, преобразуя ее в энергию, на которой работают двигатели Иного.

Задумайтесь о том, как часто вы замечали странные несостыковки в городском ландшафте: лишний этаж, который виден только с определенного ракурса, или дверь в глухой стене, которой не было еще вчера. Эти аномалии – не ошибки строителей, а зоны активного роста эфирных метастаз. Магия в современном городе – это не благословение, это экологическая катастрофа иного порядка. Она искажает пространство, заставляя время в пробках тянуться субъективно дольше, чем в пустых парках, она питается нашим вниманием, заставляя нас бесконечно всматриваться в экраны смартфонов, которые, по сути, являются персональными алтарями для связи с цифровыми демонами современности. Мы стали добровольными донорами для этой новой экосистемы, даже не подозревая, что наши повседневные ритуалы – утренняя

чашка кофе, проверка почты, поездка в лифте – являются упрощенными магическими актами, поддерживающими стабильность этого искаженного мира.

Когда вы почувствуете этот металлический привкус на губах и увидите, как неоновые вывески начинают транслировать сообщения на языке, который вы понимаете лишь на уровне подсознательного ужаса, знайте: точка невозврата пройдена. Город больше не принадлежит людям. Он стал телом для высшего разума, чьи нейроны – это мы с вами, а кровь – тот самый кипящий, ядовитый эфир. Добро пожаловать в реальность, где за каждым углом вас ждет не просто опасность, а откровение, способное переписать вашу ДНК. Это история о том, как выжить в бетонных джунглях, когда они обретают сознание, и как не сойти с ума, осознав, что вы – лишь клетка в организме, который решил, что пора меняться, даже если эта эволюция потребует сноса всего, что вы считали своим домом. Приготовьтесь, эфир уже в ваших легких, и первый вдох новой жизни будет обжигающим.

Глава 1: Кофе с осадком инквизиции

Утро в Москве пахло не бодростью, а пережженным пластиком и чьим-то несбывшимся отчаянием. Марк прижал ладонь к холодному стеклу витрины, глядя, как капли грязного дождя стекают по лицу его собственного отражения, превращая его в некоего размытого призрака. Его мир всегда был осязаемым: счета за квартиру, гул серверов в офисе и вечная нехватка серотонина. Но сегодня в привычную серость вплелась тонкая нить раскаленного золота, которую видел только он. Она тянулась от водосточной трубы к ботинку проходящего мимо курьера, искрила и пахла так, словно кто-то решил поджарить молнию на медленном огне.

– Ваш двойной эспresso, – голос бариста прозвучал как удар хлыста по тишине.

Марк обернулся. За стойкой стоял парень, чье лицо казалось высеченным из куска плохо обработанного гранита. В его глазах, абсолютно черных, без радужки и зрачка, копошилось нечто, напоминающее стаю голодных насекомых. Обычные люди видели бы просто татуированного хипстера в фартуке, но Марк, чья «искра» после вчерашнего инцидента в метро зудела под кожей как не заживающий ожог, видел правду. Парень не варил кофе. Он перегонял централизованную ненависть города в бумажные стаканчики.

Марк взял стакан. Бумага была обжигающе горячей, почти невыносимой. На боку стакана маркером было выведено его имя, но вместо привычного «Марк» там красовалось нечто иное. Символы, похожие на изломанные ребра, пульсировали тусклым багрянцем.

– Ты ошибся, – Марк кивнул на надпись, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я не заказывал проклятие.

Бариста медленно вытер стойку тряпкой, которая выглядела так, будто ею только что вытирали кровь с алтаря. Его губы растянулись в улыбке, обнажая слишком острые, идеально белые зубы.

– В этом городе, парень, мы получаем не то, что заказываем, а то, чего заслуживаем. Твой эфирный след тянется за тобой на три квартала. Ты светишься как маяк для инквизиции. Пей. Это поможет тебе не сдохнуть в ближайшие пять минут.

Марк сделал глоток. Жидкость была горькой, как прах сожженных книг. Она ударила по рецепторам, провалилась в желудок и мгновенно разошлась по венам ледяным пожаром. Мир вокруг внезапно обрел резкость, которая причиняла боль. Он увидел, что стены кофейни исписаны микроскопическими рунами, которые удерживали бетон от того, чтобы он не превратился в кипящую жижу. Он увидел, что женщина за соседним столиком не просто ест круассан – она выпитывает жизненную силу из своего смартфона, а ее пальцы заканчиваются тонкими, едва заметными щупальцами.

– Что это за место? – прошептал Марк, чувствуя, как его собственные пальцы начинают искрить.

– Это перекресток, – ответил бариста, внезапно теряя интерес к разговору. – А теперь проваливай. Ты портишь мне атмосферу. И не забудь забрать сдачу.

Он швырнул на стойку чек. Марк схватил его и выскочил на улицу, в спасительную прохладу дождя. Но город уже не был прежним. Рекламные щиты, обещавшие скидки на недвижимость, теперь кричали: «ПЛОТЬ ТВОЯ – ЭТО КИРПИЧИ НАШИ». Люди, спешащие мимо, казались тенями, запертыми в скафандрах из дешевой одежды.

Марк забился в нишу между двумя зданиями и развернул чек. Это был не обычный кусок термобумаги. Текст на нем менялся, буквы ползали, складываясь в новые и новые слова.

«Объект: Марк Аверин. Статус: Первичная стадия метастазирования. Приговор: Истисание. Срок исполнения: Немедленно».

Внизу вместо итоговой суммы стояла жирная черная метка в виде перевернутого ока. Сердце Марка пропустило удар. Он почувствовал, как воздух вокруг него начал сжиматься, словно город решил схлопнуться в одной конкретной точке – прямо в его груди.

Сзади послышался звук, который невозможно было спутать ни с чем: шорох тяжелой ткани по лужам и лязг металла. Марк медленно обернулся. Из тумана, который внезапно сгустился в узком переулке, вышли трое. На них были длинные плащи из матовой кожи, поглощающей свет, а лица закрывали маски, напоминающие морды насекомых с фасеточными глазами. В руках один из них держал нечто среднее между винтовкой и кадиллом. Из дула устройства вырывался тонкий струйка серого дыма, который не рассеивался, а целеустремленно пополз к ногам Марка.

– Марк Аверин, – голос инквизитора звучал как скрежет металла по стеклу. – Вы обвиняетесь в несанкционированном хранении эфирной искры и загрязнении городского пространства магическими эманациями.

– Я ничего не храню! – крикнул Марк, пятясь назад, пока его спина не уперлась в холодную, вибрирующую стену дома. – Оно само! Это просто ошибка!

– Ошибки – это удел смертных, – инквизитор поднял свое оружие. – Мы же – хирурги. Мы вырезаем опухоль, пока она не пустила корни в фундамент. Ваше существование более не целесообразно для структуры мегаполиса.

В этот момент Марк почувствовал, как кофе, выпитый в забегаловке, вскипел внутри него. Та самая «черная метка» на чеке в его руке вспыхнула ослепительным фиолетовым пламенем. Он не думал о том, что делает. Его рука сама метнулась вперед, и поток чистой, нефильтрованной энергии сорвался с кончиков пальцев, разбивая капли дождя в пар.

Удар был такой силы, что ближайшего инквизитора отбросило назад, впечатав в мусорные баки. Воздух наполнился запахом горелой озоновой плоти. Марк замер, глядя на свои ладони, которые теперь светились мягким, пульсирующим светом. Он не был героем. Он был системным сбоем, который только что объявил войну самой реальности.

– Метастазы... – прохрипел оставшийся на ногах инквизитор, перехватывая кадило. – Они уже в терминальной стадии. Уничтожить всё здание.

Марк понял: если он не побежит сейчас, он станет просто еще одним пятном на асфальте, которое дворники смоют к утру, даже не заметив, что в нем когда-то была душа. Он развернулся и бросился вглубь переулка, чувствуя, как Город под его ногами начинает менять ландшафт, пытаясь то ли помочь ему, то ли окончательно поглотить.

За спиной раздался гулкий взрыв. Обернувшись на бегу, Марк увидел, как кофейня, где он только что пил эспрессо, исчезает в воронке из серого пламени. На ее месте не осталось даже фундамента – только идеально ровное пространство, затянутое пепельной дымкой.

«Пять минут», – вспомнил он слова бариста. – «Это поможет тебе не сдохнуть в ближайшие пять минут».

Таймер его новой жизни запустился, и стрелка уже неслась к отметке «Зеро». Марк нырнул в толпу у входа в торговый центр, надеясь, что среди тысяч человеческих теней его собственная, искаженная эфиром, станет невидимой. Но он знал: инквизиция не прощает ошибок, а Город уже начал свою жатву. Бетон под ногами вибрировал в ритме его испуганного сердца, и эта симфония была бесконечно далека от классической.

Каждый шаг давался Марку с трудом, словно он шел не по тротуару, а пробирался сквозь густой, липкий мед. Эфир в его венах требовал выхода, он хотел трансформировать всё, к чему прикасался. Проходя мимо витрины магазина электроники, Марк заметил, как десятки экранов на мгновение синхронизировались, показав его лицо, но без кожи – лишь сплетение золотистых нервов и пульсирующую пустоту там, где должно быть сердце.

– Ты видишь это? – прошептал он, схватив за рукав какого-то прохожего.

Мужчина в дорогом костюме брезгливо отряхнулся и ускорил шаг, даже не взглянув на Марка. Для него мир оставался прежним. Для него не существовало инквизиторов в кожаных плащах и магии, прорастающей сквозь асфальт. Эта слепота была и спасением, и проклятием.

Марк понял, что он теперь один. В огромном городе, населенном миллионами людей, он стал единственным живым существом среди биороботов, послушно исполняющих свои программы. Но у него была зацепка – тот самый чек. Он снова взглянул на него. Текст опять изменился. Теперь там была карта.

Линии сгибов бумаги превратились в схему улиц, а красная точка пульсировала в районе старых промышленных зон на окраине. Под картой горела короткая надпись: «Ищи того, кто торгует тишиной».

Это было безумие. Это было похоже на дешевый квест из компьютерной игры, но реальность взрыва за спиной и ожоги на ладонях говорили об обратном. Марк скомкал чек, засунул его глубоко в карман куртки и направился в сторону метро. Если Город хотел поиграть с ним в кошки-мышки, он примет вызов. Но сначала ему нужно было понять, как контролировать этот пожар внутри себя, пока он не выжег его дотла, превратив в одну из тех серых теней, которыми питаются бетонные джунгли.

Дождь усилился, превращаясь в настоящий потоп. Вода заливала глаза, но сквозь пелену Марк видел, как над крышами домов поднимаются гигантские, невидимые для обычного глаза столпы света – эфирные вышки, выкачивающие из Москвы последние капли жизни. Город не просто болел. Город перерождался, и Марк Аверин был либо его первой жертвой, либо его первым новым богом.

Он спустился в подземку, чувствуя, как тяжелый свод станции давит на него всей своей массой. Здесь, под слоями камня и стали, магия ощущалась иначе – она была густой, застойной и пахла сырой землей. Поезд с визгом затормозил, обдав платформу горячим ветром. Марк вошел в вагон, и в ту же секунду свет внутри мигнул, а голос диктора, обычно бесстрастный, произнес с отчетливой угрозой:

– Следующая станция – Бездна. Осторожно, двери закрываются навсегда.

Марк сел на свободное место и закрыл глаза. В его голове все еще стоял вкус эспрессо – горький, праведный и абсолютно невозможный. Первая глава его новой жизни началась с кофе, а закончится, скорее всего, там, где свет не имеет власти над тенью. Но теперь, когда его кровь была наполовину эфиром, он уже не боялся темноты. Он боялся того, что может увидеть в ней себя.

Глава 2: Геометрия ломанных теней

Москва – это не город в привычном понимании этого слова. Это гигантская, многослойная печатная плата, вытравленная на теле земли известью, сталью и амбициями. Марк вышел из вагона метро на станции, которой не было на официальной схеме, но которая физически ощущалась как нарыв под кожей реальности. Здесь воздух вибрировал от избыточного напряжения, а стены, облицованные пористым мрамором, казались влажными, словно они потели от ужаса.

Он шел по переулкам, которые подчинялись не законам урбанистики, а логике кошмара. Вы замечали, как иногда в центре города, среди привычных сталинских фасадов, вдруг обнаруживается аппендикс – узкий проход, где всегда на пять градусов холоднее? Это и есть ломанная геометрия. Архитектура – самая честная форма магии, потому что она не требует заклинаний; ей достаточно правильного угла падения тени и нужного объема пустоты внутри фундамента. Марк чувствовал, как городская среда начинает с ним заигрывать, подставляя под ноги то выщербленный кирпич, то скользкую чугунную крышку люка, под которой что-то ритмично вздыхало.

Высотки Москвы – те самые «Семь Сестер» – в этот вечер выглядели как гигантские обсидиановые иглы, вонзенные в брюхо облаков. Марк остановился на углу, где тень от шпиля одной из них перечеркивала дорогу, словно запрещающий знак. Он знал теорию: эти здания были построены не для жилья и не для величия режима. Они были спроектированы как конденсаторы. Каждая лепнина, каждый гранитный портик – это деталь огромного механизма по сбору человеческой психической энергии. Тысячи людей ежедневно проходят мимо, отдавая свои тревоги, спешку и злость этим каменным истуканам, а те, в свою очередь, перекачивают этот «эфирный шум» вниз, в коллекторы, где он переваривается во что-то гораздо более темное.

– Геометрия не лжет, парень, – раздался скрипучий голос из подворотни.

Марк вздрогнул. Из густой, почти осязаемой тени вынырнул старик. Он выглядел как типичный городской сумасшедший: засаленное пальто, перевязанное бечевкой, и безумный блеск в глазах. Но в руках он держал теодолит, который выглядел так, будто его собрали в секретных лабораториях алхимиков Ватикана. Линзы прибора светились тусклым фосфоресцирующим светом.

– Ты видишь эти углы? – старик ткнул грязным пальцем в сторону ближайшего доходного дома. – Архитектор этого здания был либо гением, либо законченным психопатом. Он срезал углы под тридцать три градуса. Знаешь, что происходит с эфиром, когда он натывается на такой срез? Он закручивается в спираль. Это воронка, парень. Она высасывает удачу из каждого, кто живет в радиусе километра, и скармливает её Городу.

Марк посмотрел туда, куда указывал старик. И внезапно его зрение дернулось. Реальность словно расслоилась. Он увидел, что за обычным фасадом с трещинами и облупившейся краской скрывается каркас из сияющих, пульсирующих нитей. Это была сетка координат, по которой текла золотистая жидкость – тот самый эфир, превращающий бетон в живую ткань.

– Город болен метастазами, – продолжал старик, не обращая внимания на оцепенение Марка. – Он растет внутрь себя. Ты думаешь, почему в Москве так много тупиков, которые ведут в никуда? Это не ошибки планировки. Это карманы для хранения излишков реальности. Если бы Город не создавал эти ломанные тени, его бы разорвало от магического давления. А так – он просто ест нас потихоньку.

Марк почувствовал, как в кармане запульсировал чек из кофейни. Его «искра» отозвалась на слова старика резкой болью в затылке. Он понял, что всё его предыдущее существова-

ние было прогулкой по поверхности замерзшего озера, под которым спали древние левиафаны. Теперь лед треснул.

– Куда мне идти? – спросил он, стараясь не смотреть на то, как тень старика начинает жить собственной жизнью, медленно отделяясь от его ботинок.

– Иди по швам, – старик усмехнулся, обнажив беззубые десны. – Ищи места, где пространство сшито грубыми нитками. Где современные стекляшки вгрызаются в старую кладку. Там ткань мира тоньше всего. Там ты найдешь свои ответы... или свою смерть. Город не любит тех, кто понимает его чертежи.

Старик шагнул обратно в тень и исчез так мгновенно, словно его никогда и не было. Только запах озона и старой пыли напоминал о его присутствии. Марк остался один на перекрестке пяти дорог, каждая из которых теперь казалась ловушкой.

Он двинулся вперед, инстинктивно выбирая пути, где тени были наиболее неестественными. Он видел, как свет фонарей преломляется в воздухе, образуя призрачные фигуры, которые танцевали на стенах домов. Это была не игра воображения. Это была чистая математика эфира. Каждый объект в этом городе имел своего двойника в зеркальной изнанке, и эти двойники начали прорываться наружу.

Марк забрел в район, где старые промзоны соседствовали с элитными новостройками. Контраст был болезненным. Зеркальные поверхности небоскребов отражали не небо, а серые скелеты заброшенных цехов, создавая бесконечный лабиринт из ломанных отражений. Здесь геометрия окончательно сошла с ума. Дорога могла внезапно пойти вверх под невозможным углом, а лестничные пролеты казались бесконечными лентами Мебиуса.

Он остановился перед зданием, которое выглядело как нагромождение кубов, хаотично брошенных друг на друга. Его фасад вибрировал, издавая низкочастотный гул, от которого зубы начинали ныть. Это был один из «узлов» – место, где метастазы эфира прорвали бетонную оболочку. Из щелей в кладке сочился густой туман, который не стелился по земле, а медленно поднимался вверх, принимая формы геометрических тел.

– Ты тоже это слышишь? – раздался женский голос сверху.

Марк поднял голову. На краю бетонного козырька сидела девушка. На ней была куртка с капюшоном, расшитая светоотражающими нитями, которые складывались в защитные символы. В руках она вертела странный девайс, напоминающий планшет, но с механическими переключателями и медными трубками по бокам.

– Это поет арматура, – сказала она, прыгнув вниз с невероятной легкостью. – Город сегодня в плохом настроении. Слишком много эфира вкачали в северный сектор. Скоро начнется сброс давления.

– Кто ты? – Марк отступил на шаг, чувствуя, как его «искра» внутри груди начинает резонировать с её присутствием.

– Я та, кто умеет читать между строк чертежей, – она улыбнулась, и Марк заметил, что её зрачки имеют форму идеальных шестиугольников. – Зови меня Рина. И если ты не хочешь, чтобы тебя размазало по этой стене, когда геометрия схлопнется, тебе лучше пойти со мной. Инквизиторы уже перекрыли выходы с этой улицы. Они используют тепловизоры, настроенные на спектр эфира. Ты для них сейчас – как неоновая вывеска в безлунную ночь.

Рина коснулась стены здания, и бетон под её пальцами внезапно размяк, как мокрый картон. Она потянула за невидимый край, и в стене открылся проход, ведущий в темноту, пахнущую старым деревом и электричеством.

– Быстрее, – скомандовала она. – Углы начинают меняться.

Марк нырнул в проход. Как только он оказался внутри, стена за его спиной снова стала твердой и безжизненной. Они оказались в пространстве, которое не могло существовать внутри этого здания. Это был длинный коридор, уходящий в бесконечность, где потолок и стены постоянно менялись местами.

– Это «штрек», – пояснила Рина, не оборачиваясь. – Технический коридор реальности. Мы сейчас находимся в складках между картой и территорией. Здесь инквизиция тебя не достанет, но здесь легко потерять ориентацию. Если свернешь не в тот угол, можешь выйти в Москве девятнадцатого века или вообще в месте, где городов еще нет.

Марк шел за ней, стараясь не смотреть по сторонам. Ему казалось, что за прозрачными перегородками коридора он видит шевеление огромных существ – тех самых, что построили этот город как свои фермы. Геометрия здесь была не просто ломанной, она была враждебной. Каждый шаг требовал усилий, словно пространство сопротивлялось их движению.

– Почему ты мне помогаешь? – спросил Марк, чувствуя, как его силы на исходе.

– Потому что у тебя искра редкого спектра, – Рина остановилась и обернулась. Её шестиугольные зрачки пульсировали в такт его сердцу. – Большинство людей просто сгорают, когда эфир входит в них. Ты же начал его поглощать. Ты становишься частью городской ткани, Марк. А нам нужны те, кто может говорить с бетоном на его языке.

Они вышли к массивной дубовой двери, которая смотрелась нелепо посреди этого сюрреалистичного пространства. Рина достала из кармана тяжелый ключ, покрытый ржавчиной, и вставила его в замочную скважину.

– Добро пожаловать в «Изнанку», – прошептала она. – Здесь тени имеют вес, а законы физики принимаются голосованием.

Дверь со скрипом отворилась, и Марка ослепил яркий свет. Но это был не солнечный свет. Это было сияние миллионов электрических искр, сплетающихся в гигантскую паутину над городом, который никогда не существовал на картах, но который всегда был здесь – под тонким слоем нашей уверенности в завтрашнем дне.

Марк шагнул за порог, и в этот момент он понял: его старая жизнь была лишь черновиком. Настоящая история начала писаться прямо сейчас, чернилами из чистого эфира на пергаменте из ломанных теней. Город вздохнул, и этот вздох отозвался в его душе громом. Битва за право быть чем-то большим, чем просто клеткой в бетонном организме, только что перешла в активную фазу.

Глава 3: Эфирный кашель

Город задыхался. Это был не тот привычный смог, который стелется над МКАДом в безветренный август, и не тяжелое дыхание заводов Юго-Востока. Это был «эфирный кашель» – первый признак того, что магическая опухоль внутри мегаполиса перешла в стадию активного распада. Марк чувствовал это каждой клеткой своего обновленного тела: воздух стал слишком плотным, он приобрел текстуру мокрого бархата и привкус жженого сахара, смешанного с антисептиком.

Рина вела его по «Изнанке», но даже здесь, в складках между реальностями, болезнь Города давала о себе знать. Стены коридоров, мимо которых они проходили, покрывались странными образованиями. Это не была плесень или грибок. Из бетона прорастали кристаллические структуры, напоминающие по форме геометрически правильные цветы, пульсирующие ядовитым неоновым светом. Когда Марк случайно задел один такой «цветок» плечом, пространство вокруг него на мгновение подернулось рябью, и он услышал хохот тысячи людей, доносящийся из пустоты.

– Не трогай это, – бросила Рина, даже не оборачиваясь. – Это метастазы в чистом виде. Овеществленные обрывки чужих мыслей, застрявшие в текстурах. Если впитаешь их слишком много, твое сознание превратится в архив битых файлов.

Они вышли на открытое пространство, которое напоминало технический этаж гигантского небоскреба, лишенный внешних стен. Вместо горизонта Марк увидел бесконечную череду парящих в пустоте платформ, соединенных медными кабелями толщиной с вековой дуб. По кабелям с гулом проносились сгустки энергии, и каждый такой разряд сопровождался сухим, надсадным звуком, похожим на кашель умирающего великана.

– Посмотри вниз, – Рина указала на край платформы.

Марк подошел к обрыву. Далеко внизу, под слоем облаков из цифрового шума, лежала Москва. Но она выглядела не как город, а как открытая рана. В тех местах, где плотность населения была максимальной, земля светилась болезненным багрянцем. Огромные сгустки эфира – те самые метастазы – вырывались из-под асфальта, закручиваясь в воронки над площадями и вокзалами. В центре этих воронок пространство искажалось настолько, что здания начинали плавиться, превращаясь в причудливые, невозможные фигуры, которые застывали в воздухе вопреки гравитации.

Это и был «эфирный кашель» – серия пространственных выбросов, когда Город больше не мог удерживать в себе магическое давление. Марк увидел, как над районом Тверской поднялся столб черного дыма, который внезапно превратился в стаю механических птиц и тут же рассыпался стеклянной крошкой.

– Город пытается откашляться от нас, Марк, – голос Рины стал тихим и горьким. – От наших надежд, от нашей жадности, от всего того мусора, который мы закачиваем в него через свои желания. Магия – это не дар богов. Это инфекция, которую мы сами принесли в этот бетон. И теперь она мутировала. Она стала автономной.

Внезапно платформу под их ногами трянуло. Снизу донесся звук, от которого у Марка потемнело в глазах. Это был настоящий физический приступ кашля самого пространства. Один из медных кабелей, соединявших платформы, лопнул с оглушительным звоном, и его обрывок, извиваясь как разъяренная кобра, начал хлестать по бетону, выбивая снопы искр.

– Ложись! – крикнула Рина, наваливаясь на него.

Над их головами пронеслось облако «эфирной мокроты» – сгусток полупрозрачной субстанции, в которой Марк отчетливо разглядел застывшие лица людей, искаженные гримасами боли. Субстанция врезалась в стену позади них, и бетон мгновенно превратился в скопление

ржавых рыболовных крючков. Если бы это попало в человека, от него не осталось бы даже воспоминаний – только биологический шум.

Марк почувствовал, как его собственная «искра» внутри груди начала биться в унисон с этими выбросами. Каждое содрогание Города отзывалось в нем вспышкой ярости и непонятной тоски. Он внезапно понял, что он не просто свидетель этой болезни. Он – часть её. Его пробуждение было спровоцировано этим самым кашлем, и теперь он резонировал с каждой трещиной на фасадах зданий.

– Нам нужно уходить глубже, – Рина вскочила, рывком поднимая его на ноги. – Когда начинаются такие выбросы, «Чистка» активизирует свои протоколы. Они считают, что если уничтожить очаги заражения – то есть таких, как ты и я, – болезнь отступит. Но они идиоты. Нельзя вылечить рак, расстреливая клетки из пулемета.

Они побежали через лабиринт из кабелей и гудящих трансформаторов. Воздух вокруг становился всё более невыносимым. Марк начал кашлять – по-настоящему, по-человечески. Но с каждым выдохом из его рта вылетали не капли влаги, а крошечные золотистые искры. Эфир переполнял его, он искал выход, он хотел стать частью этого глобального хаоса.

– Не сдерживай его! – закричала Рина, перекрывая гул эфирного шторма. – Если закроешь искру в себе, она выжжет твои легкие. Выпускай её, но направляй! Представь, что это просто электричество, просто поток!

Марк остановился, чувствуя, как внутри него раздувается огненный шар. Он больше не мог бежать. Он уперся ладонями в вибрирующий пол платформы и закричал. Его крик слился с очередным выбросом Города. Из его рук вырвались нити ослепительного лазурного пламени, которые вонзились в бетон, сшивая образовавшиеся трещины. На мгновение хаос вокруг затих. Оборванный кабель перестал извиваться, а ядовитые цветы на стенах потускнели.

Это была кратковременная ремиссия. Марк тяжело дышал, глядя на свои руки, которые теперь были покрыты тонкой сетью светящихся шрамов. Он только что сделал то, что инквизиторы считали невозможным – он не просто использовал магию, он исцелил кусок искаженного пространства.

– Ты видишь? – Рина подошла к нему, её глаза-шестиугольники светились восхищением и страхом. – Ты не просто метастаза. Ты антитело.

Но Город не собирался сдаваться так просто. Новый приступ «кашля» был гораздо сильнее предыдущего. Вдалеке Марк увидел, как одна из сталинских высоток – та самая «антенна» – начала медленно клониться к земле, словно у неё подкосились ноги. Эфирные потоки вокруг неё закрутились в черный смерч, всасывающий в себя всё: машины, уличные фонари, случайных прохожих.

– Это терминальная стадия, – прошептала Рина. – Сектор начинает схлопываться. Если мы не доберемся до Нижнего Мира сейчас, нас сотрет вместе с этой реальностью.

Они бросились к люку в полу платформы, который вел в глубины технических уровней. Марк бежал, чувствуя, как за его спиной рушится привычный мир. Здания за окнами «Изнанки» превращались в пиксели, время замедлялось и ускорялось рывками, а небо над Москвой окончательно приобрело цвет застывшей крови.

«Эфирный кашель» – это был только симптом. Настоящая болезнь была гораздо глубже, и Марк понимал, что ему придется спуститься в самое сердце инфекции, чтобы понять, кто он на самом деле: спаситель этого бетонного монстра или его последний, самый смертоносный вздох.

Они нырнули в люк, и тьма сомкнулась над ними, полная шепота, лязга и далекого, бесконечного кашля умирающего города, который всё еще надеялся на чудо, хотя сам же его и убивал. Каждая секунда здесь стояла вечности, и каждый вдох приносил новую порцию эфирной пыли, которая оседала в душе Марка, превращая его в нечто, для чего у человечества еще не было названия.

Где-то там, наверху, люди продолжали пить кофе и спешить в офисы, не замечая, что их мир распадается на геометрические призраки. Но здесь, внизу, правда была осязаемой и болезненной. Эфир не просто пропитал город – он заменил его суть. И теперь, когда метастазы начали вскрываться, скрывать правду стало невозможно.

Марк летел вниз по бесконечной шахте, и его искра светила во тьме, как единственный фонарь в склепе цивилизации. Он знал: когда он коснется дна, он уже не будет прежним Марком. Он будет частью кода, частью боли, частью великого и страшного эфирного кашля, который либо очистит этот мир, либо уничтожит его окончательно.

– Держись за меня! – голос Рины донесся откуда-то издалека, заглушаемый ревом энергии.

И Марк держался. Не за Рину, а за ту ниточку человечности, которая еще тлела в нем, сопротивляясь ледяному восторгу абсолютной силы. Впереди их ждал Рынок «Нижний мир», и там, среди теней и торговцев чудесами, ему предстояло узнать цену своего исцеления. Город кашлял кровью и электричеством, и этот звук стал единственной музыкой, которую Марк теперь мог слышать.

Глава 4: Рынок «Нижний мир»

Спуск в чрево города напоминал падение в горло механического бога, который давно забыл вкус чистой воды, заменив её на отработанное масло и концентрированный страх. Когда Марк и Рина наконец коснулись подошвами липкого пола, давление эфира в воздухе стало настолько плотным, что его можно было резать ножом. Это был завод. Или то, что от него осталось после того, как реальность решила объявить здесь дефолт. Огромные цеха заброшенного оборонного предприятия «Знамя» превратились в Рынок «Нижний мир» – единственное место в Москве, где законы рыночной экономики официально спаривались с законами темной алхимии.

Здесь не было солнечного света. Потолок, теряющийся в мазутной дымке на высоте тридцати метров, был усеян мириадами светляков – это были не насекомые, а крошечные электрические разряды, запертые в стеклянные банки из-под майонеза. Они тускло освещали бесконечные ряды прилавков, сколоченных из ржавой арматуры и надгробных плит. Пахло здесь как в морге, где решили устроить восточный базар: формалином, старой кожей, благовониями из жженой резины и чем-то неуловимо сладким – так пахнет свежий эфир, когда он начинает разъедать человеческую плоть.

– Смотри под ноги и не вздумай ничего трогать голыми руками, – прошипела Рина, поправляя капюшон своей куртки. – Здесь торгуют не вещами. Здесь торгуют последствиями.

Марк огляделся, чувствуя, как его «искра» внутри груди сжимается в тугую, болезненный узел. Толпа на рынке была похожа на парад уродцев из забытого цирка. Мимо проковылял старик, чей горб светился изумрудным светом, а за ним следовали двое молчаливых громил в противогазах, несущих клетку с существом, которое выглядело как ожившее облако телевизионных помех. Существо билось о прутья, издавая звук, похожий на шум ненастроенного радиоприемника.

– Это что такое? – прошептал Марк, стараясь не встречаться взглядом с безглазым торговцем, который предлагал всем желающим «первосортную ярость в ампулах».

– Это побочные продукты Города, – ответила Рина, ведя его сквозь лабиринт прилавков. – Ошметки сознаний, которые не выдержали давления метастаз. Здесь всё имеет свою цену. Хочешь забыть, как тебя бросила жена? Продай это воспоминание старьевщику, и он выставит его на аукцион. Кто-то другой купит его, чтобы почувствовать хоть какую-то боль, потому что его собственная жизнь стала пустой, как выпитая жестянка. Здесь торгуют надеждами, грехами и артефактами, которые выковыривают из «узлов» реальности.

Они прошли мимо лавки, где на витрине лежали обычные с виду ключи от квартир. Но каждый ключ вибрировал, а на брелоках были написаны адреса домов, которых не существовало в официальном реестре. Марк понял: это ключи от тех самых «карманов», о которых говорил старик с теодолитом. За ними сидел субъект в засаленном халате хирурга и сосредоточенно полировал человеческий череп, из глазниц которого прорастали оптоволоконные кабели.

– Нам нужен Ветошник, – Рина внезапно свернула в узкий проход между двумя гигантскими станками, превращенными в жилые модули. – Только у него есть то, что поможет тебе стабилизировать искру. Если она продолжит расти в таком темпе, ты детонируешь прямо посреди Садового кольца, и поверь, инквизиция даже не будет собирать твои молекулы – они просто забетонируют место взрыва.

Они вышли к палатке, обтянутой старыми парашютами. Внутри было тихо, а воздух казался непривычно чистым. За низким столом, заваленным деталями от старых часов и микросхемами, сидел человек неопределенного возраста. Его кожа была серой, как пыль, а пальцы – невероятно длинными, с лишним суставом на каждом. Он не поднял головы, когда они вошли.

– Принесла мне свежий страх, Рина? – голос Ветошника напоминал шелест сухих листьев. – Или опять притащила недобитого носителя с горящим фитилем в заднице?

– У него прямая связь с ядром, – Рина кивнула на Марка. – Он исцелил разлом на платформе. Своими руками. Без заклинаний и фильтров.

Ветошник замер. Его длинные пальцы замерли над разобранным механизмом. Он медленно поднял голову, и Марк увидел, что вместо глаз у него установлены линзы от старых фотоаппаратов. Затвор в правой линзе щелкнул, меняя фокус.

– Исцелил? – Ветошник встал, и Марк увидел, что он гораздо выше, чем казался. – Город – это энтропия в бетоне. Его нельзя исцелить, его можно только на время обмануть. Ну-ка, покажи ладони, мальчик.

Марк нехотя протянул руки. Ветошник коснулся его кожи своими холодными, сухими пальцами. В месте контакта вспыхнули синие искры. Марк охнул от резкого укола холода, который прошил его до самого позвоночника. Ветошник отдернул руку и задумчиво облизнул пальцы.

– Вкус озона и старой бумаги... – пробормотал он. – Инквизиторский кофе. Ты пил в «Нулевой точке», не так ли? Твоя искра – это не болезнь, это ключ, который забыли в замке. Но замок уже начал вращаться. И он вырвет твое сердце, если ты не дашь ему правильную смазку.

Он обернулся к полкам, заставленным банками с мутной жидкостью. Там плавали фрагменты вещей: обрывок красного платья, старая советская монета, сломанная детская скрипка. Каждая из этих вещей когда-то была центром чьей-то вселенной, но теперь они были лишь батарейками для тех, кто хотел выжить в Нижнем мире.

– Магия этого города – это магия потерь, – Ветошник достал с самой верхней полки небольшую металлическую коробочку, перетянутую проволокой. – Мы берем то, что люди выбрасывают или теряют, и извлекаем из этого остаточную энергию. Это «метастазы» смысла. Чтобы твоя искра не сожгла тебя, тебе нужно нечто, что свяжет тебя с прошлым этого города, с тем временем, когда бетон еще не имел сознания.

Он открыл коробку. Внутри, на подушке из черного бархата, лежал обычный латунный компас. Но его стрелка не указывала на север. Она вращалась с бешеной скоростью, а когда Марк подошел ближе, замерла, указав прямо на его грудь.

– Это компас архитектора Шехтеля, – прошептал Ветошник. – Ну, или одна из его копий, пропитанная его видением. Он видит не стороны света, он видит линии напряжения эфира. Если стрелка дрожит – значит, рядом инквизиция. Если она горит красным – значит, ты стоишь в центре метастазы. Она поможет тебе находить «тихие зоны». Но цена будет высокой.

– Сколько? – спросила Рина, кладя руку на свой девайс.

– Его голос, – Ветошник посмотрел на Марка. – Не весь. Только его способность лгать. С этого момента, Марк, ты сможешь говорить только правду. Эфир не терпит фальши, а этот компас питается искренностью. Ты готов обменять свою ложь на свою жизнь?

Марк посмотрел на компас, потом на Рину. В её глазах-шестиугольниках он увидел отражение собственного страха. Он вспомнил взрывы, маски инквизиторов и вкус кофе. Его прежний мир, где можно было врать начальнику, улыбаться тем, кого ненавидишь, и скрывать свои истинные чувства, рассыпался. Здесь, на Рынке «Нижний мир», ложь была валютой, которую он больше не мог себе позволить.

– Я готов, – сказал он.

Голос прозвучал странно – глубже и чище, чем обычно. Ветошник кивнул и протянул ему компас. Как только пальцы Марка коснулись металла, стрелка замерла, а затем медленно повернулась, указывая в сторону выхода с рынка. Но не туда, откуда они пришли, а вглубь заброшенных цехов, где тьма была особенно густой.

– Твой путь лежит через «Дилера фальшивых чудес», – сказал Ветошник, возвращаясь к своему столу. – Он продает дешевую надежду, но в его товаре спрятаны осколки истинного

кода. Иди, пока инквизиция не учуяла запах твоей честности. Она воняет здесь сильнее, чем любой эфир.

Марк и Рина вышли из палатки. Рынок вокруг продолжал жить своей безумной жизнью. Торговец воспоминаниями как раз вскрывал банку с «первым поцелуем» для какого-то бродяги, и по проходу разлился аромат сирени и весеннего дождя, мгновенно заглушенный вонью горелых проводов.

Марк сжал компас в руке. Теперь он чувствовал город иначе. Сетка ломанных теней, о которой говорил старик, стала объемной. Он видел, как сквозь толпу проходят невидимые нити, связывающие людей и вещи. И одна из этих нитей, ярко-алая, тянулась от его компаса куда-то во тьму заброшенного завода.

– Ты в порядке? – спросила Рина, внимательно глядя на него.

– Нет, – ответил Марк, и это была чистая, кристальная правда. – Мне страшно. И я чувствую, что этот компас жжет мне кожу. Но я знаю, что нам нужно идти туда.

Рина удивленно приподняла бровь. Она еще не привыкла к его новой «честности».

– Ну что ж, Истина-Марк, веди. Только старайся не наступать на тени, которые пытаются схватить тебя за лодыжки. Здесь, в Нижнем мире, тени голоднее, чем на поверхности. Они знают, что ты теперь не просто человек. Ты – деликатес.

Они двинулись вглубь рынка, мимо лотков с магическим оружием, мимо клеток с эфирными монстрами и мимо людей, которые давно потеряли свои лица в погоне за крупными магии. Марк шел, и стрелка компаса Шехтеля вела его сквозь этот хаос, сквозь метастазы бетона и плоти, к встрече с тем, кто превратил магию в дешевый наркотик для масс.

Город за их спинами снова «кашлянул», и гул этого звука отозвался в металле компаса. Марк понял, что время уговоров закончилось. Началось время действий. И первая битва за его душу должна была произойти там, где торгуют фальшивыми чудесами. Потому что только среди лжи правда Марка могла стать по-настоящему смертоносным оружием.

– Стой, – Рина внезапно схватила его за плечо.

Впереди, прямо посреди прохода, стояла фигура в белом костюме, который казался неестественно чистым для этого грязного места. Человек курил длинную тонкую сигарету, и дым от неё складывался в фигуры полуобнаженных женщин.

– А вот и наш Дилер, – прошептала Рина. – Помни: всё, что он скажет – это яд. Но всё, что он предложит – это то, что тебе нужно.

Марк крепче сжал латунный корпус компаса. Его новая природа требовала действия. Метастазы эфира пульсировали вокруг, Город ждал своего часа, а впереди, в сигаретном дыму, скрывалась тайна, способная либо спасти Москву, либо окончательно превратить её в бетонный склеп.

Глава 5: Дилер фальшивых чудес

Человек в ослепительно белом костюме выглядел среди ржавых внутренностей завода «Знамя» как хирургически чистая опухоль на теле застарелого гноя. Он стоял, опершись на никелированную трость, набалдашник которой был выполнен в форме человеческого колена, и выпускал изо рта кольца дыма, которые не рассеивались, а начинали медленно ползть по воздуху, принимая очертания эротических видений и золотых монет. Это был он – Дилер фальшивых чудес, человек-вирус, превративший священный трепет эфира в дешевый порошок для тех, кому не хватило воли на настоящую искру.

Вокруг него терлись подростки. У одного из них вместо правой руки было сплетение медных проводов, которое искрило при каждом движении, а глаза другого были залиты однородной ртутью. Они протягивали Дилеру смятые купюры, обрывки семейных фотографий и даже собственные зубы – всё, что имело хоть какую-то эмоциональную ценность в этом проклятом месте. В обмен Дилер выдавал им маленькие стеклянные капсулы, внутри которых дрожала серая, мутная взвесь.

– Налетай, детишки, – голос Дилера был липким, как патока, в которой утонули осы. – Кому нужно чувство полета в мире, где гравитация – это закон? Кому нужно величие на час, пока инквизиция не выбила дверь? У меня есть «Эфирный шум» для тех, кто хочет забыть, что он просто мясо в бетонной коробке.

Марк почувствовал, как компас Шехтеля в его руке раскалился. Стрелка бешено крутилась, указывая на Дилера, но цвет её стал не красным, а грязно-коричневым. Это был цвет разложения, цвет магии, которую лишили её божественной природы и превратили в товар массового потребления.

– Ты видишь, что он делает? – прошептала Рина, её шестиугольные зрачки сузились до точек. – Он продает «эфирный кашель» в таблетках. Он берет те самые метастазы, которые убивают Город, перемалывает их и впаривает тем, кто слишком слаб, чтобы нести искру. Это вызывает привыкание быстрее, чем героин, но вместо вен оно разрушает структуру души.

Марк шагнул вперед. Его новая натура – натура существа, лишённого возможности лгать – толкнула его в спину. Он не мог просто стоять и смотреть, как этот паразит торгует смертью.

– Это не чудеса, – громко произнес Марк. Громче, чем хотел. Его голос разнесся под сводами цеха, заставив подростков обернуться. – Это яд. Ты продаешь им их собственную гибель, завернутую в красивую обертку.

Дилер медленно повернул голову. Его лицо было странно симметричным, слишком правильным, словно его нарисовал нейросетевой алгоритм, одержимый идеей красоты. Он затянулся сигаретой и выпустил струю дыма прямо в лицо Марку. Дым пах гнилыми персиками и паленой шерстью.

– О, посмотрите-ка на этого праведника, – Дилер ослабил, и Марк увидел, что за его зубами нет языка – там копошилось нечто черное и многоногое. – Свежий носитель. Я чувствую твой аромат, мальчик. От тебя разит истиной так сильно, что у меня начинает чесаться совесть, которой у меня нет. Ветошник подарил тебе свой компас? Старая развалина всё еще верит в навигацию среди хаоса.

– Ты убиваешь их, – Марк указал на парня с ртутными глазами, который уже начал биться в конвульсиях, проглотив капсулу. Его тело начало мерцать, становясь то прозрачным, то пугающе плотным.

– Убиваю? – Дилер рассмеялся, и этот звук был похож на битье хрусталя в пустой комнате. – Я даю им то, чего не может дать ваш хваленый Город и уж тем более ваша инквизиция. Я даю им смысл. Пусть он поддельный, пусть он длится десять минут, но в эти десять минут они – боги. Ты сам-то кто такой, Марк Аверин? Ты просто клетка, которая начала делиться

неправильно. Ты – такая же метастаза, как и то, что я соскребаю со стен коллекторов. Просто твоя опухоль считает себя особенной.

Марк почувствовал прилив ярости. Эфир внутри него отозвался на это чувство, и ладони снова начали светиться лазурным. Но на этот раз это не было целительное сияние. Это было пламя очищения.

– Я не особенный, – сказал Марк, и слова обжигали его горло, потому что это была правда. – Я просто вижу, что ты – это паразит на теле больного зверя. И если Город должен умереть, он должен умереть с достоинством, а не в припадке от твоих дешевых наркотиков.

Дилер перестал улыбаться. Он поправил свой белый пиджак и сделал шаг к Марку. Трость в его руке звякнула об пол.

– Достоинство? В Москве? – Дилер презрительно сплюнул. – Ты опоздал на сто лет, мальчик. Этот город давно превратился в огромный ломбард, где заложили душу ради лишней полоски на индикаторе сигнала связи. Мои «чудеса» – это единственный способ вытерпеть эту геометрию. Но если ты хочешь поиграть в спасителя... Рина, ты всегда выбирала себе странных попутчиков. Этот долго не протянет.

Внезапно Дилер сделал выпад своей тростью. Набалдашник-колено раскрылся, и из него вырвался пучок черных игл, пахнувших бездной. Марк едва успел отпрянуть. Рина вскинула свой девайс, и между ними и Дилером возник мерцающий щит из цифрового кода, который принял удар на себя. Иглы вонзились в щит и начали его разъедать, превращая светящиеся цифры в липкую черную грязь.

– Уходим, Марк! – крикнула Рина. – С его магией нельзя бороться в лоб, она основана на искажении смыслов!

Но Марк не мог уйти. Стрелка компаса Шехтеля теперь указывала не на Дилера, а на пол под его ногами. Там, среди мусора и пыли, Марк увидел нечто, что выбивалось из общей картины. Это была крошечная трещина, из которой сочился не серый дым подделок, а чистый, ослепительно белый свет. Тот самый «осколок истинного кода», о котором говорил Ветошник.

Дилер заметил его взгляд. Его маска спокойствия треснула.

– Не смей, – прошипел он. – Это не твое. Это фундамент моей империи!

Он вскинул руки, и белый костюм на нем начал расползаться, превращаясь в тысячи маленьких белых бабочек, которые имели бритвенно-острые крылья. Облако этих тварей бросилось на Марка, закрывая обзор. Каждое прикосновение крыла оставляло на коже глубокий порез, который тут же начинал сочиться золотистым эфиром.

Марк закричал от боли, но не отступил. Он упал на колени прямо перед трещиной в полу. Его рука, светящаяся лазурным пламенем, вонзилась в бетон.

– Правда! – выдохнул он, и это слово стало детонатором.

Он не лгал. Он действительно хотел разрушить эту ложь. Его искра вошла в резонанс с осколком кода в фундаменте. Произошло то, что физики назвали бы аннигиляцией, а маги – экзорцизмом реальности. Ослепительная вспышка белого света ударила снизу вверх, прошивая облако белых бабочек, Дилера в его расползающемся костюме и саму крышу завода.

На мгновение наступила абсолютная тишина. Фальшивые чудеса Дилера – дымные женщины, ртутные глаза подростков, стеклянные капсулы – всё это просто испарилось, не оставив даже пепла. Дилер стоял в одних грязных подштанниках, лишенный своего лоска, его лицо теперь было асимметричным, обрюзгшим и жалким. Он больше не был богом Нижнего мира. Он был просто испуганным человечком, который слишком долго играл с силами, превосходящими его понимание.

Подростки вокруг начали приходить в себя. Ртуть вытекла из глаз парня, оставив его слепым, но свободным. Медные провода на руке другого осыпались трухой. Они смотрели на Марка с ужасом и какой-то странной, болезненной надеждой.

Марк разжал кулак. На его ладони лежал крошечный кристалл – осколок истинного кода Города. Он был теплым и пульсировал в ритме сердца.

– Ты разрушил его бизнес, – Рина подошла к нему, вытирая кровь с пореза на щеке. – Но ты сделал нечто большее. Ты показал им, что эфир может не только убивать и дурманить. Ты дал им почувствовать вкус настоящего. Но теперь за нами придут все. Дилер был лишь прикрытием для тех, кто стоит выше.

Дилер, съжившись у станка, злобно прошипел:

– Ты думаешь, ты победил? Ты просто открыл дверь для того, что спит под фундаментом. Мои таблетки усыпляли аппетит Города. Теперь он голоден. И первым делом он съест тебя, маленький правдоруб.

Марк не ответил. Он смотрел на кристалл в своей руке. Компас Шехтеля в его кармане наконец успокоился, его стрелка замерла, указывая строго вверх – туда, где над заброшенным заводом, сквозь дыры в крыше, виднелось ночное небо Москвы. Оно было багровым, прошитым сеткой магических метастаз, но теперь Марк знал: под этой коркой болезни всё еще бьется живое сердце.

– Нам нужно идти, – сказал Марк. И это снова была правда. – Времени больше нет. Город начинает просыпаться.

Они двинулись к выходу, оставляя позади руины империи фальшивых чудес. Марк чувствовал, как кристалл внутри его ладони начинает вращаться в его плоть, становясь частью его скелета. Он больше не был просто Марком. Он становился инструментом, которым Город собирался либо исцелить себя, либо окончательно сойти с ума.

А в тени заброшенного цеха, там, где свет не достиг углов, за ними наблюдали фасеточные глаза инквизиторов. Они зафиксировали вспышку истинного кода. Охота на искру переходила в свою самую кровавую фазу, и теперь у них была четкая цель.

– Следующая остановка – анатомия неоновой демона, – тихо произнесла Рина, проверяя заряды на своем девайсе. – Готовься, Марк. Дальше магия будет не фальшивой. Она будет слишком реальной, чтобы её можно было пережить без потерь.

Марк сжал зубы. Боль от кристалла в руке была почти невыносимой, но она была честной. А в этом мире ломанных теней честная боль была дороже любого поддельного счастья. Они вышли в ночь, где Москва ждала их, выставив свои бетонные клыки навстречу эфирному шторму. Позади остался Рынок, впереди была неизвестность, но в кармане Марка пел компас, и этот звук был единственным, что имело значение в мире, где даже чудеса имели срок годности.

Глава 6: Анатомия неоновой демона

Ночная Москва снаружи казалась перевернутым аквариумом, наполненным ядовитым электричеством. Рина тащила Марка за собой через дворы-колодцы, где воздух застаивался, приобретая плотность киселя. Она нервно оглядывалась, и её шестиугольные зрачки бешено вращались, выхватывая из темноты тепловые сигнатуры инквизиторских дронов. Но главная угроза сейчас исходила не от людей в масках. Город, лишенный привычной дозы «успокоительного» от Дилера, начал биться в конвульсиях.

– Нам нужно место с высокой плотностью человеческого шума, – бросила Рина, перепрыгивая через лужу, в которой вместо отражения звезд плавали обрывки бинарного кода. – В толпе наш эфирный след размоется. Идем в «Сингулярность».

«Сингулярность» была не просто ночным клубом. Это была точка на карте, где реальность истончилась до состояния папиросной бумаги. Заведение располагалось в бывшем здании советского НИИ, чьи подвалы уходили вглубь на семь ярусов, прямо в мягкие ткани метастизирующего эфира. На входе не было охраны – только два рослых существа с зеркальными лицами, которые сканировали сетчатку каждого входящего на предмет наличия «искры».

Внутри клуб напоминал внутренности работающего процессора, увеличенного в миллион раз. Огромные экраны транслировали фракталы, которые вызывали у обычных людей легкую эйфорию, а у посвященных – неконтролируемое расширение сознания. Тяжелый бас вгрызался в кости, но Марк слышал в этой музыке нечто иное: ритмичный гул огромного сердца.

– Здесь слишком много магии, – прошептал Марк, чувствуя, как кристалл в его ладони начинает вибрировать в такт стробоскопам. – Я задыхаюсь.

– Терпи, правдоруб, – Рина протискивалась сквозь толпу танцующих тел. – Здесь люди добровольно отдают свой избыточный эфир. Клуб работает как громоотвод. Но сегодня... сегодня здесь пахнет кровью и озоном сильнее, чем обычно.

Они пробрались к VIP-зоне, расположенной на стеклянном балконе над основным танцполом. Отсюда толпа внизу казалась единым организмом – колышущейся массой из пота, неона и дешевого экстаза. Но Марк смотрел не на людей. Он смотрел в центр зала, где прямо в воздухе висела сфера из чистого статического электричества.

Внезапно музыка оборвалась. Тишина, наступившая в клубе, была физически болезненной, словно из комнаты выкачали весь кислород. Толпа внизу замерла в неестественных позах. А затем сфера в центре зала взорвалась.

Из этого взрыва родилось нечто. Оно не вышло из тени – оно само было тенью, сшитой из неоновых трубок и осколков битого стекла. Существо напоминало паука размером с внедорожник, но с человеческим торсом, который венчала голова без рта, зато с десятком светящихся глаз. Это был неоновый демон – спонтанная эманация городского хаоса, существо, рожденное из коллективной похоти, страха и цифровой зависимости тысяч людей, собравшихся в этом месте.

Демон издал звук, похожий на крик модема, подключающегося к аду. Один из его сегментированных суставов прошел танцпол, и двое молодых людей просто испарились, превратившись в облачка цветной пыли.

– Анатомия этой твари – сплошная ошибка! – Рина вскинула свой девайс, но тот лишь жалобно пискнул и погас. – Она питается вниманием! Если люди на неё смотрят, она становится неуязвимой!

Марк почувствовал, как страх в зале густеет, превращаясь в черную патоку. Демон рос на глазах. Каждый вскрик, каждый взгляд, полный ужаса, добавлял ему плотности. Его неоновые внутренности пульсировали розовым и лиловым, выжигая сетчатку тем, кто не успел закрыть глаза.

– Марк, твой кристалл! – Рина схватила его за руку. – Он содержит истинный код! Только ты можешь обнулить эту проекцию!

Марк посмотрел на свою ладонь. Кристалл теперь полностью врос в кожу, его грани проступали сквозь плоть, как инородные кости. Он чувствовал, как демон смотрит на него всеми своими глазами. Тварь почувствовала «антитело». Она развернула свой громоздкий, сверкающий корпус в сторону балкона.

Одним рывком демон преодолел расстояние до VIP-зоны. Стекло ограждение разлетелось в пыль. Рину отбросило в сторону, она ударилась о стену и сползла на пол. Марк остался один на один с порождением бетонных джунглей.

Существо замахнулось своей лапой-лезвием. В этот момент Марк не стал закрывать глаза. Наоборот, он распахнул свое сознание навстречу монстру. Компас Шехтеля в его кармане нагрелся настолько, что ткань куртки начала дымиться.

– Ты не настоящий! – закричал Марк, и это была правда, которая разорвала тишину. – Ты просто проекция нашей пустоты! В тебе нет жизни, только украденный свет!

Он ударил ладонью с кристаллом прямо в неоновое сочленение, которое демон использовал как грудную клетку. В момент столкновения Марк увидел анатомию этой твари изнутри. Это была не плоть и не магия – это была нагромождение нереализованных желаний, обрывков рекламы, фальшивых улыбок и цифрового мусора. Демон состоял из лжи, которую город скармливал своим жителям десятилетиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.